

A. UGIANSKIO 100-SIOMS MIRTIES METINĖMS

1970 m. spalio 19 d. sukako 100 metų, kai mirė Andrius Ugianskis (gim. 1816 m. balandžio 27 d.), Kazanės universiteto auklėtinis ir vėliau graikų bei lotynų kalbų profesorius, lietuvių kalbos žodyno autorius. Apie jo gyvenimą ir mokslinę lituanistinę veiklą nedaug turime smulkesnių žinių. Jų duoda Kazanės imperatoriškojo (dabar – V. Uljanovo-Lenino) universiteto istorijos puslapiai¹, o taip pat penki Ugianskio laišakai savo buvusiam mokytojui Kražių gimnazijoje Motiejui Valančiui² ir vienas laiškas Laurynui Ivinskiui³. Ugianskiui priskiriamas darbas „О свойствах литовского языка“ bibliografų nurodomame leidinyje „Журнал Министерства народного просвещения“ (1869 m.) nerastas. Ar jis tikrai buvo išspausdintas, o gal spausdintas kur kitur? Neaiškus taip pat ir žodyno medžiagos likimas.

Teiraujantis lituanistinės medžiagos Totorijos ATSR Centriniam valstybiniame archyve Kazanėje, Ugianskio naujų darbų rasti nepavyko. Tačiau Kazanės universiteto fonduose tarp Ugianskį liečiančių dokumentų yra vienas, teikiantis kiek patikslinančių žinių apie šio mūsų kalbininko lituanistinius interesus tuo laikotarpiu, kurio nepaliudija kiti šaltiniai, pavyzdžiui, korespondencija. Tai medžiaga apie Ugianskio komandiruotę į užsienį, jo mokslinio tyrimo darbą, pagaliau jo lietuvių kalbos žodyno rengimą.

Čia ir pateikiamas Ugianskio, tuo metu ėjusio ekstraordinarinio profesoriaus pareigas, 1865 m. rugsėjo 29 d. prašymas Kazanės imperatoriškojo universiteto Istorijos ir filologijos fakultetui. Tai trijų puslapių rankraštis su registracijos numeriu 94, gavimo data 1865 m. rugsėjo 29 d. ir teigiama rezoliucija. Grįžęs po trumputės mokslinės komandiruotės iš Dorpato (dab. Tartu) universiteto, kur buvo konsultacijų daktaro disertacijos rašymo ir gynimo reikalais, Ugianskis antrusyk prašosi jau ilgesniam laikui į užsienį. Čia tikisi detaliau susipažinti ir su žodynui reikalingais ir svarbiais lituanistikos šaltiniais – senaisiais lietuvių raštijos paminklais Karaliaučiuje. Po gana ilgo susirašinėjimo (kilusio dėl Ugianskio nusiskundimo pernelyg dideliu dėstymo krūviu, neleidžiančiu sparčiau baigti daktaro disertaciją) Ugianskiui buvo leista nuo 1866 m. gegužės mėn., įskaitant ir atostogas, išvykti mokslo tikslu į užsienį. Ar tikrai Ugianskis šioje mokslinėje kelionėje yra buvęs, rodos, negalėtume pasakyti, nes komandiruotės ataskaitos oficialiojoje periodikoje (Журнал Министерства народного просвещения) nepasisekė rasti.

Pirmą sykį publikuojamo prašymo originalas yra minėto archyvo Kazanės universiteto fonduose (f. 977, istorijos-filologijos fak., b. 836).

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804–1904) в двух частях под редакцией... Н. П. Загоскина, часть первая. Казань, 1904; Деятели Казанского Университета 1805–1900 г. Составил проф. Н. П. Загоскин, Казань, 1900.

² 1858 m. vasario 28 d. laiškas išspausdintas leidinyje „Mūsų senovė“, II, 1937, p. 141–145, tą patį metų balandžio 14 d., 1859 m. gegužės 11 d. ir spalio 1 d. laišakai – „Tauta ir žodis“, VII, 1931, p. 326–336 ir 1860 m. liepos 25 d. laiškas – „Tiesos kelias“, 1938, Nr. 3, p. 135–142.

³ 1861 m. sausio 26 d. lenkiškai rašyto laiško vertimas išspausdintas „Vienybė Lietuvininkų“, 1892, Nr. 27, p. 320–322.

Прошение

Хорошо известно факультету, сколько трудился я и теперь тружусь, оставляясь сам один уже пятый год на кафедрах Греческой и Римской, равно тоже известно факультету, сколько трудился я для того, чтобы исполнить требования нового Университетского Устава на счет ученых степеней. В последнюю теперь мою поездку от 10 по 23 сентября текущего года, успел я побывать в других Университетах и побеседовать лично об моем деле с специалистами по моему предмету. После чего убедился я, что, сидя в Казани, при тех средствах и источниках, какие можно найти в Казанских библиотеках, диссертацию на степень доктора древней филологии вполне удовлетворительную сочинить никак не возможно, потому что требования от такой диссертации весьма велики, а именно: требуют изъяснения, разрешения таких филологических вопросов, или мест у древних писателей, которые до сих пор остаются еще под сомнением, или таких, которые еще не початы. Для сочинения такой диссертации необходимо лично познакомиться с теми редкими источниками и памятниками древнего мира, какие хранятся по заграничным библиотекам, музеям и другим местам, каких у нас в Казани вовсе нет, не менее того еще необходимо лично побеседовать со знаменитейшими филологами настоящего времени и выслушать их личные мнения о предмете, какой изберу я для моей диссертации. После исполнения вышеупомянутых условий вполне надеюсь, что моя диссертация получит значение самостоятельного труда моего, как того и закон все специалисты требуют, а для этого как всякому известно, нужно и время и средства и соответственные источники. Когда же я сказал, что время для получения степеней в нашем Университете ограничено Октябрем текущего года, тогда все удивились только и спрашивали меня так: „неужели ваш Университет убежден в том, что ученые степени и давать и получать по заказу?..“

В настоящую мою поездку в беседы моих со специалистами других Университетов узнал я только, что требования от докторской диссертации, заменяющей вместе и прежний экзамен, весьма теперь велики; а когда ссылался я на то, что при средствах и источниках, какие есть в Казани, такой диссертации сочинить никак не возможно, тогда все они единогласно дали мне такой ответ и совет свой, что для этого необходимо побывать мне за границей, где все это легко можно найти, были бы только охота и умение находить ... Поэтому-то осмеливаюсь теперь просит Историко-филологический факультет исходатайствовать мне командировку за границу по крайней мере на полгода, для собрания материалов для моей Докторской диссертации и для ознакомления с новейшим ходом развития древней филологии. Просить теперь о том осмеливаюсь потому, что с 1841 года, как приехал я сюда из Литвы еще гимназистом в здешний Университет, с тех пор дальние Казани еще не бывал кроме теперешней двухнедельной моей поездки в Дерпт, где я имел возможность побеседовать с другими специалистами по моему предмету, а в Казани, как факультету хорошо известно, в продолжении нескольких последних лет, оставаясь сам один на Греческой и Римской кафедрах, и того иметь не мог... Чтобы в мое отсутствие преподавание по моему предмету пострадало сколько можно меньше для этого я желал совершить мое путешествие за границу следующим образом:

с открытием весною первой навигации по Волге хотел бы я тотчас начать мою поездку, вскоре затем наступит vacationное время, которое употребляю я не без пользы для меня: мне не столько нужно слушать лекции заграничных профессоров, сколько необходимо мне порыться в заграничных библиотеках, осмотреть их музеи, побеседовать со знаменитейшими филологами etc. etc., а ко всему этому, как я слышал, доступ за границю всегда открыт. Таким то образом если распределить мою поездку за границу преподавание по моему предмету прервано будет не более двух месяцев, да и это пропущенное время постараюсь я заполнить после возвращения моего...

В эту мою поездку за границу надеюсь я исполнить два дела: 1) постараюсь по всей моей возможности сделать все то, что нужно для моей диссертации и для ознакомления с новейшим ходом развития древней филологии; 2) на возвратном пути побываю в Кенигсберге, где хранятся литовские рукописи 16 и 17 века. Эти рукописи известны мне только по описаниям Нессельмана, Шлейхера и других ученых. Еще бывшего у нас Г. Попечителя Князя Вяземского, просил я, чтобы он попросил официально от себя выслать на время эти рукописи в Казань для пересмотра моего; но на это из Кенигсберга ответили, что они этих рукописей из стен своей библиотеки никому давать не могут, а кому угодно их видеть тот сам должен приехать в Кенигсберг и там же на месте их рассматривать. Рассмотреть эти рукописи считаю я весьма нужным для меня, потому что несколько уже лет тружусь я над составлением нового Литовского словаря, и вполне надеюсь, что этот труд мой (если только успею его кончить) будет не бесполезен: есть теперь Новейший Литовско-Немецкий словарь Нессельмана (изд. 1851), составленный из старинных Литовских словарей Ширвида (от 1713 г.) и Руига и Мельке (от 1800 г.) с небольшими еще добавлениями, однакож в словаре Нессельмана всего только 33 478 слов; между тем, как я сам лично трудясь несколько уже лет назад собиранием слов и при помощи знатоков Литовского языка в Литве, успел уже собрать около 100.000 слов, но все-таки надеюсь, что в старинных рукописях найду не мало слов, каких в моем собрании еще нет. Вот краткий план моих занятий в настоящую мою поездку за границу. Казань, 29 сентября, 1865 года. Исп. д. Экстр. Орд. Профессора Андрей Угянский.

Parengė V. Drotvinas